

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ СЕМЬ ЛЕТ

Анастасия Вертинская... и ее героиня Эльмира из «Тартюфа».

Фото Николая Шарубина.

с заслуженной артисткой РСФСР Анастасией Вертинской

СЕГОДНЯ — последний вечер таллинских гастролей МХАТа. Семнадцать дней переполненный зал театра «Эстония» восторженно встречал выступления ведущего сценического коллектива страны. Семнадцать дней мы были свидетелями филигранного мастерства выдающихся актеров: Марка Прудкина, Ангелины Степановой, Иннокентия Смоктуновского, Евгения Евстигнеева, Олега Ефремова, Татьяны Лавровой, Станислава Любшина, Александра Калягина, Екатерины Васильевой, Анастасии Вертинской и многих, многих других.

В прощальный вечер МХАТ играет «Тартюфа». Одну из центральных ролей — роль Эльмиры — исполняет Анастасия Вертинская.

— Анастасия Александровна, наш зритель успел полюбить вас семь лет назад, когда в Таллине выступал театр «Современник», и вы исполняли главные роли в трех спектаклях гастрольного репертуара. И вот новая встреча. Что изменилось в вашей творческой биографии за эти семь лет?

— Самая главная перемена — я перешла во МХАТ. Это было в 1980 году. Не скрою, не без колебаний я решилась на этот шаг. «Современник» я очень любила, люблю и сейчас, но Олега Николаевича Ефремова считаю своим духовным наставником в искусстве, и когда он возглавил МХАТ, многие актеры «Современника», в том числе и я, пошли за ним. Думаю, что это совершенно закономерно. На сцене МХАТа я сыграла четыре крупные роли.

Начну с чеховской «Чайки». Нину Заречную я играла раньше, в спектакле «Современник», но нынешняя «Чайка» — гораздо более зрелая работа.

Затем — роль Наташи Голубевой в пьесе Александра Гельмана «Наедине со всеми». Должна сказать, что прежде мне с современной драматургией не везло. Не попадались глубокие, серьезные роли, играя которые можно было бы передать на сцене те мысли и чувства, которыми действительно живут наши современники. Почему-то преобладали всякие Тани, Мани, которые когото немножко любят, где-то чуть-чуть работают, и все чувства их

лежат на самой поверхности.

А «Наедине со всеми» — особая пьеса. Зрители встречаются с моей героиней в тот момент, когда она переживает кризис, находится в пограничной ситуации. Когда человек начинает заново отсчитывать свою жизнь и по иному счету спрашивать с близких. И в этой критической ситуации Гельман очень разнообразно и глубоко реализует характер героини. Это — очень искренняя и честная, остро-конфликтная драматургия...

Третья работа — роль Эльмиры в «Тартюфе». Первая моя встреча с прекрасным режиссером Анатолием Эфросом. Не побоюсь сказать, что работа с

Анатолием Васильевичем стала для меня поворотным моментом. Но не таким поворотом, когда вся биография актера вдруг резко меняется, а иным — поворотом, когда свойства актерской индивидуальности, которые ты чувствуешь и прозреваешь в себе, вдруг ярко выявляются. Я давно преодолела в себе те качества, которые выявил во мне своей режиссурой Эфрос. В спектакле такого стиля, как «Тартюф», я играю впервые. По методологии это блестящая школа представления. А по форме — яркий театральный бурлеск, требующий юмора, пластики, и вместе с тем — достаточно

серьезного отношения к тому, что происходит на сцене.

Затем спектакль, который мы в Таллин, к сожалению не смогли привезти — «Живой труп» Льва Толстого, также в постановке Эфроса. Этот спектакль претерпевает большие сложности, так как критика и публика в отношении к нему как бы разделились. Скажу прямо, что «Живой труп» идет с большим успехом, но нетрадиционный выбор актера на главную роль — Федю Протасова играет Александр Калягин — настоятельно тех, кто помнят в этой роли Николая Симонова, Михаила Романова и других актеров героического плана. А

ведь именно эта традиция до какой-то степени отодвинула на задний план то болезненное мучительное падение, которое заложил Толстой в образе Феди. Я играю Лизу. Я давно хотела сыграть эту роль, так как меня раздражало, как обычно трактуют Лизу — холодной, буржуазно расчетливой женщиной, которая хочет только одного — устроить свою жизнь. А по-моему это очень живой и человеческий образ. Лиза мечется между вполне понятным стремлением к устроенному дому, гармонии быта — и чувством долга перед Феей, которое, возможно, чем-то сродни нашему чувству долга перед которым мать мучается, но не может не любить его. В этих метаниях — вся моя Лиза.

В последнее время я снималась только в телефильмах. Не потому, что предпочитаю телевидение, а потому, что объединение «Экран» предлагало мне самые интересные работы. Очень люблю свою Мону в «Безымянной звезде». Эта роль и лирическая, и комедийная, и драматическая — словом, очень человеческая.

«Безымянная звезда» была режиссерским дебютом Михаила Козакова. И очень удачным. Должна сказать, что он безусловно владеет профессиональным, интуитивным, и сознательный отбор материала, сформулировать идею, четко и интересно поставить задачи актерам.

Недавно снялась в «Краже» по пьесе Джека Лондона. И вновь, как двадцать лет назад, в «Гамлете», моим партнером был Иннокентий Михайлович

Смоктуновский, только на сей раз я играла не возлюбленную его, а дочь, да еще ненавидящую отца. Работа со Смоктуновским — это великолепная школа актерского мастерства... — Что же это такое — мастерство!

— Вся работа актера состоит из мастерства и ремесла. И не надо относиться к ремеслу свысока, без него актера-мастера не бывает. Скажем, вы играете в теннис. Ремесло заключается в том, чтобы не задумываясь, автоматически, попадать ракеткой по мячу и посылать его на противоположную сторону площадки. А мастерство — в том, чтобы полностью владея ремеслом, уметь прочерчивать победную стратегию всего матча.

Актеров, владеющих настоящим мастерством, отличает повышенная требовательность к себе в искусстве. Стремление сыграть новый образ новым не только внешне, но и по содержанию. Мне кажется, что такими качествами отличается плеяда актеров, воспитанных Ефремовым. В том числе те актеры, которые пришли к Ефремову уже зрелыми индивидуальностями.

Из моих партнеров по театральным спектаклям хочу сказать о Станиславе Любшине. Он близок мне по своей нервной организации, актерской природе. Огромное наслаждение доставляет мне играть с ним «Наедине со всеми». Он умеет смело менять настроение роли в зависимости от собственного настроения, и это никогда не вредит образу, напротив, обогащает его, потому

что Любшин умеет быть на сцене живым!

— Сегодня вечером вы прощаетесь с таллинским зрителем — хочется верить, что ненадолго. Какое впечатление произвел он на вас?

— Таллинский зритель более разборчив, чем московский. Его нужно сначала завоевать, установить контакт с залом, втянуть в свою игру. Когда мы играем «Тартюфа» дома, этот контакт возникает мгновенно, возможно, оттого, что московская публика уже слышана о «Тартюфе». Ваш зритель сосредоточеннее, взыскательнее. Вообще чувствуется, что театральное искусство Эстонии ставит перед собой и перед зрителем очень глубокие задачи, рассчитывая на то, что зал поймет самые тонкие нюансы спектакля. Во время московских гастролей вашего театра драмы я видела «Живой труп». Это высокоинтеллектуальная, глубокая по мысли постановка. Такая работа дает отличную рекомендацию не только режиссуре и исполнению, но и публике.

